

- ⁷ См.: Морозов К. Н. Указ. соч. С. 376, 423–426.
- ⁸ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1929. С. 293–294.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 401. Л. 75–75 (об.).
- ¹¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹² Троцкий Л. Д. Сочинения : в 9 т. Т. 8. М. ; Л., 1926. С. 89.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 87–88.
- ¹⁴ Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции : в 22 т. Т. 15. М., 1993. С. 128.
- ¹⁵ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г. : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927. Т. 3. С. 217.
- ¹⁷ Там же. С. 217–218.
- ¹⁸ Там же. С. 218.
- ¹⁹ Там же. Т. 2. С. 93–94.
- ²⁰ Там же. С. 103.
- ²¹ Там же. С. 103.
- ²² Там же. Т. 3. С. 14.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Прайсман Л. Феномен Азефа. URL: <http://www.memo.ru/history/terror/preisman.htm> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁵ Падение царского режима. Т. 2. С. 400.
- ²⁶ Алданов М. А. Азеф. URL: <http://ldn-knigi.narod.ru> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Падение царского режима. Т. 2. С. 401.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Алданов М. А. Указ. соч.
- ³² А. В. Герасимов «принял» Азефа под свое кураторство по приказу П. Н. Дурново и настоянию заведующего заграничной агентурой Департамента полиции П. И. Рачковского в 1906 г.
- ³³ Падение царского режима. Т. 3. С. 13.
- ³⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 124.
- ³⁵ Падение царского режима. Т. 3. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 16.
- ³⁷ Там же. По свидетельству М. А. Алданова, переписка Е. Ф. Азефа и А. В. Герасимова сохранилась и находится в неизданном архиве В. К. Агафонова.
- ³⁸ Рысс Соломон, кличка «Мортимер», с.-р., максималист. В июне 1906 г. при содействии тайной полиции бежал из Киевской тюрьмы, после чего с ведома своих соратников М. И. Соколова («Медведя») и Н. Климовой стал сотрудничать с Департаментом полиции, давая ложную информацию и скрывая подготовку взрыва дачи П. А. Столыпина и экспроприацию в Фонарном переулке.
- ³⁹ Падение царского режима. Т. 6. С. 125.
- ⁴⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 127.
- ⁴¹ В конце 1907 г. Г. А. Гершуни, уже тяжелобольной, узнав, что Евно Азеф обвиняется в провокаторстве, хотел поехать в Россию и вместе с ним совершить убийство Николая II, чтобы подобным образом реабилитировать своего преемника.
- ⁴² Указывая 16 лет провокаторской деятельности Е. Ф. Азефа, адвокат А. Я. Пассовер, скорее всего, имел в виду весь период его работы в качестве секретного сотрудника полиции, куда он был принят в 1892 г. (Подробнее см.: П. А. Столыпин. Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года // П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия. М., 1991).
- ⁴³ Цит. по: Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁵ Из истории политического сыска в России // Из глубины времен. СПб., 1992. С. 49.
- ⁴⁶ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 141–142.
- ⁴⁷ Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁸ Прайсман Л. Указ. соч.
- ⁴⁹ Из истории политического сыска в России. С. 54.
- ⁵⁰ Дело провокатора Малиновского // Протоколы заседания революционного трибунала при ВЦИКе. М., 1992. С. 189.
- ⁵¹ Прайсман Л. Указ. соч.

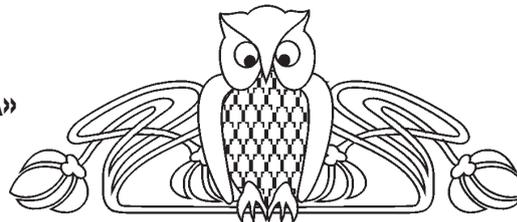
УДК 94(47)»1905/1907»

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «ГЕРОЯ-ТЕРРОРИСТА» В ХОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД ЭСЕРАМИ В 1905 ГОДУ

С. В. Мосолкин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: MosolkinSV@mail.ru

В статье рассмотрен механизм создания образа «героя-террориста» из числа членов партии социалистов-революционеров на

судебных процессах в 1905 году. Проанализировано влияние этого образа на российскую культуру. Автор приходит к выводу об исторической обреченности политического террора и его несостоятельности в качестве средства решения политических задач.
Ключевые слова: революционный терроризм, партия социалистов-революционеров, национальная безопасность, регулятивная функция культуры.

Creation of a «Hero-terrorist» Image on Political Trials over Members of Revolutionary Socialists in 1905

S. V. Mosolkin

In article the mechanism of creation of an image of «Hero-Terrorist» from among party members of Revolutionary Socialists on trials in 1905 is considered. Influence of this image on the Russian culture is analyzed. The author comes to a conclusion about historical hopelessness of political terror and its insolvency as a cure of political tasks

Key words: revolutionary terrorism, Revolutionary Socialists party, national security, regulatory function of culture.

Историческое сознание любого общества периодически актуализирует определенные темы, особенно когда жизнь сталкивает его со сходными явлениями из прошлого. Проблема сущности и значения терроризма является хронически актуальной в нашей стране. Россией накоплена богатейшая традиция террористической рефлексии, важнейшую роль в формировании которой сыграл характер первого знакомства русского общества с терроризмом в его «революционном» облики. Революционный терроризм, его роль в тех сложнейших и неоднозначных процессах, которые развивались в различных сферах жизни Российской империи последних десятилетий её существования, в той или иной мере оказывают влияние на весь последующий ход российской истории.

Каждый новый поворот в истории России приводил к определённым смещению акцентов в осмыслении трагических событий, сохраняя неизменным общую направленность исследований. К настоящему времени по различным аспектам истории русского революционного терроризма накоплена богатейшая исследовательская литература. Истории отдельных организаций, партий, их идеологической и программной эволюции, деятельности наиболее выдающихся персонажей посвящены исследования О. В. Будницкого, Р. А. Городницкого, К. В. Гусева, М. И. Леонова, Н. А. Троицкого¹. И всё же, несмотря на значительные успехи в анализе деятельности ряда революционно-террористических партий (в первую очередь это касается «Земли и воли» и «Народной воли»), развития революционного прошлого, в биографических исследованиях на сегодняшний день остается недостаточно изученным ряд проблем, связанных с историей революционного терроризма.

Важно понять и проанализировать, при каких условиях в обществе образ террориста становится «своим», почему в определенный момент общество, которое по христианским канонам должно было бы по меньшей мере осудить террор, извиняет и даже оправдывает действия террористов. Необходимо проследить процесс создания образа «героя-террориста» и влияние этого образа на культуру России. Ведь связь культуры как «составной части и условия всей системы деятельности, обеспечивающей разные стороны жизни

человека»² и безопасности очевидна. Угрозы безопасности страны могут прийти отовсюду, а культура благодаря своей всепроникающей способности воздействовать на общественные отношения через сознание людей может стать важным средством их преодоления. Культура способна достигать важных целей – регуляции социального развития и стабилизации общественной жизни, и при этом использовать демократические средства – диалоговые формы толерантного воздействия на сознание и поведение людей во избежание социокультурных кризисов. Эти охранительные возможности культуры от внешних и внутренних угроз национальной безопасности могут использоваться и в современной государственной политике России.

Ни одно политическое явление в обществе не существует само по себе, и общество имеет к его развитию непосредственное отношение. «В 1902–1905 гг. в России гремела “Боевая организация” партии социалистов-революционеров. Имена Карповича, Балмашева, Гершуни, Каляева, Созонова были у всех на устах. Террористические удары во всех слоях общества встречались с энтузиазмом, и они имели не только русское, но и общеевропейское значение», – писал в своих воспоминаниях В. Л. Бурцев³. Рабочие «аплодировали эсерам после каждого убийства какого-нибудь министра», – писал в автобиографии Ф. С. Андреев⁴.

И руководители политического сыска отмечали те же явления: «Революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство царя, но и решительно боролись против самых основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие»⁵.

Такое отношение общественности к террору подталкивало эсеров к новым действиям. «А успешные террористические акты всегда побуждали к подражанию, и террор стал проявляться все чаще и чаще», – отмечал А. И. Спиридович⁶. Террористы знали о существовании многочисленных «поклонников террора» среди образованных людей, которые «втайне рукоплескали каждому теракту», даже если вслух они пропагандировали (и в душе предпочитали) более «культурные методы борьбы» с самодержавием⁷.

Партия социалистов-революционеров сумела обратить себе на пользу и умело использовать для пропаганды своей деятельности, в том числе террористических актов, любые заметные события, особенно судебные политические процессы. В годы Первой русской революции социалисты-революционеры оказались ближе к народу, чем сторонники самодержавия, их пропаганда отражала чаяния значительной части политически активного населения.

Механизм создания образа «героев-террористов» можно четко проследить на судебных процессах. В связи с этим политические дела над террористами 1905 г. представляют особый интерес.

Важным моментом для создания образа «героя-борца» являлось то, против кого совершали террористические акты эсеры.

Вопрос о нравственности политического террора неоднократно исследовался историками. О. В. Будницкий считал террористические акты в одинаковой мере как политической необходимостью, так и «делом непосредственного чувства»⁸. Морально оправдывая террористов, он отмечает, что «не все люди, на глазах которых совершаются безнаказанно убийства и истязания, способны выносить эти ужасы. Есть такая степень поругания всех человеческих чувств, при которой нормальная жизнь для таких людей становится невозможной, тогда они находят для себя разрешение своего мучительного состояния в героическом поступке»⁹.

Оценка терактов как ответа на правительственные насилия служила нравственным оправданием, подчеркивали в своих заявлениях и показаниях арестованные террористы¹⁰. Они объясняли необходимость совершения убийства того или иного лица не личной неприязнью, а общественной необходимостью. Большую часть жертв, против кого были совершены террористические акты эсерами в 1905 г., составляли ненавистные всему народу чиновники.

Например, И. П. Каляев на суде заявил: «Причиной, побудившей Боевую организацию приговорить Сергея Александровича к смерти, является деятельность великого князя на всех трех поприщах, возбуждавших ненависть в народных массах»¹¹.

Дворянин Петр Александрович Куликовский объяснял, что совершил убийство генерал-майора графа Шувалова по постановлению Московского комитета, так как, по мнению комитета, граф, принявший должность московского градоначальника во время обостренной борьбы между обществом и самодержавием, был вредным политическим деятелем¹². А также причиной убийства графа Шувалова послужила, по словам П. А. Куликовского, деятельность графа в Одессе, о каковой он узнал еще в 1903 г., отбывая наказание в селении Усть-Майском в Якутской области, от политических ссыльных Курносова и Волынского. Политические ссыльные рассказали об избиениях, которые совершал граф в бытность одесским градоначальником. Эти же приемы граф Шувалов стал применять и в Москве¹³.

Пытаясь найти моральное оправдание своего поступка, П. А. Куликовский замечал, что «полицейский убивает сотни граждан, а революционеры одного полицейского на несколько сот убитых граждан»¹⁴. Слова, сказанные в заключение, звучат как смертный приговор, который вынесло само общество: «Убивая Шувалова, я полагал, что отвечаю желаниям лучшей части общества, не говоря уже о революционерах»¹⁵.

В ноябре 1905 г. в доме П. А. Столыпина в Саратове был убит генерал-адъютант В. В. Са-

харов. Деятельность В. В. Сахарова не была тайной, о ней знало русское общество. «Он расстреливал и засекал до смерти крестьян. Появляясь в деревне, он собирал жителей и производил поголовное истязание; затем, по указанию полиции и помещичьих управляющих, отбирал наиболее сознательных крестьян и убивал их или предавал неслышанным мукам»¹⁶. За его зверства Саратовский Летучий отряд Боевой организации постановил убить Сахарова¹⁷.

Нравственное оправдание покушения на вице-губернатора Кнолля террорист К. Д. Бакшанов искал в том, что «убить Г. Кнолля следует за его мероприятия и распоряжения в дни беспорядков в Саратове 19 и 20 октября»¹⁸.

29-го июля один из членов Боевой организации партии эсеров пытался застрелить харьковского губернатора князя Оболенского с целью осуществить «праведный суд над врагами народа»¹⁹. Губернатор из деревни в деревню «переезжал с солдатами и жандармами и сек беспощадно десятки и сотни крестьян, не щадя даже стариков», за что царь «похвалил злодея и дал ему орден»²⁰. Справедливость, по мнению террористов, была восстановлена лишь членом партии социалистов-революционеров, который действовал «не самоуправно», а исполнил «все-народный приговор»²¹.

Еще один террорист, Сидорчук, убивший пристава Куярова, сначала не давший по делу никакого показания, впоследствии объявил, что он, «как член боевой дружины партии социалистов-революционеров, отомстил приставу за избиение прошлой зимой»²². Во время бывших в Житомире 25 января 1905 г. уличных демонстраций пристав избивал демонстрантов. «Оскорбляя рабочих, топтал ногами упавших, отдал приказ стрелять в безоружную толпу, на другой день с такой же жестокостью усмирал учащихся»²³.

Так террористы оправдывали террор, совершенный против «наиболее вредных, заслуживающих казни врагов народа»²⁴, что являлось только частичной правдой, так как с 1905 г., и чем дальше, тем больше, жертвами террора становились и рядовые исполнители воли правительства (низшие чины жандармерии, полиции и т. д.).

Необходимо отметить, что в 1905 г., кроме тех лиц, на которых был направлен террор, жертвами становились и случайные, ни в чем не повинные люди. Например, Шнейдер был ранен в ногу, находясь на приеме у П. П. Шувалова²⁵; был ранен при взрыве бомбы и скончался в больнице, не приходя в себя, кучер его Императорского Величества Андрей Рудинкин²⁶; был ранен дворник Владимир, явившийся в качестве понятого при аресте²⁷; знакомый пристава Куярова Мермерштайн при попытке задержать террориста получил ранение в ногу, причем террорист специально стрелял в него, пытаясь вырваться, и произвел три выстрела²⁸; при убийстве начальника охранного отделения ротмистра Грешнера террорист, пы-

таясь скрыться, тяжело ранил в живот ночного караульщика²⁹ и т. д.

Кроме того, местные боевые дружины, действовавшие по своему усмотрению, совершали террористические акты, руководствуясь своими собственными эмоциями. В связи с этим, начиная со второй половины 1905 г., террор принимал массовый характер. Жертвами его становились мелкие служащие, рядовые полицейские, жандармские унтер-офицеры, ротмистры, полковники, вахмистры.

Вопрос определения «мишеней» для террористов являлся одним из крайне щекотливых моментов с точки зрения морали. Определяющим критерием для него в 1905 г. еще оставалось общественное мнение: большая часть жертв являлись символами государственных репрессий, что вызывало определенную поддержку эсеров в массах. Но все чаще в связи с тем, что выбор жертв перестал быть прерогативой ЦК, а определялся зачастую местными партийными комитетами, контролировать боевую деятельность на местах становилось все сложнее, и жертвами часто являлись простые исполнители воли правительства.

Важным моментом для создания «героического образа» являлись сами политические процессы над террористами.

Несмотря на то что политические процессы над эсерами в годы первой революции были лишены публичности, гласности, тем не менее, террористы продолжали использовать их как арену борьбы. Они до такой степени были поглощены задачей пропаганды своих воззрений, своих «героических действий», что не задумывались о последствиях.

Поведение террористов на политических процессах было вызвано психологической особенностью самой террористической деятельности. «Террористическая деятельность еще более культивировала преклонение перед личностью, перед героем. Она переносила центр тяжести с масс на индивидуальность. Действует террористичность; масса пассивно получает революцию в готовом виде. Мало этого, террорист действует на виду, на глазах у всего общества», – писал М. Л. Мандельштам³⁰. Именно этим адвокат объяснял не только деятельность члена партии, социалиста-революционера в жизни, но и его поведение на суде, – «отсюда некоторая приподнятость его поведения»³¹.

Общим моментом поведения социалистов-революционеров на суде было правило заявлять о своей принадлежности к партии социалистов-революционеров. Наиболее опытные и влиятельные из них не ограничивались только заявлением о своей принадлежности к партии, а подробно, с явным агитационным расчетом, излагали свою революционную биографию. «Скамья подсудимых превращалась в трибуну для пропаганды революционной деятельности и идей обвиняемых», – отмечал М. Л. Мандельштам³².

Свои заключительные речи на суде эсеры использовали для обличения самодержавия. Так, речь И. П. Каляева на суде была довольно патетической, он скорее обвинял, чем оправдывался, а последние слова звучали так: «Мое предприятие окончилось успехом. И таким же успехом увенчается, несмотря на все препятствия, и деятельность всей партии, ставящей себе великие и исторические задачи. Я твердо верю в это, – я вижу грядущую свободу возрожденной к новой жизни трудовой, народной России. И я рад, я горд возможностью умереть за нее с сознанием исполненного долга»³³.

Речь П. Куликовского на суде носила автобиографический характер. Он поведал о «тяжелой жизни», которая досталась ему на долю. Рассказал, как он, простой деревенский учитель, принял участие партии социалистов-революционеров «всей душой, всем сердцем»³⁴. Исповедуя это учение, он находит неизбежной и боевую тактику этой партии. В своей речи он сформулировал ближайшие задачи партии социалистов-революционеров: «В области политической партия желает скорейшего введения демократической республики, в области социальной – уничтожения частной собственности на землю»³⁵. В заключение, изъявляя желание, чтобы его поступок был правильно истолкован, он пояснял, что «данный акт не есть в строгом смысле террористический, как Балмашева, Созонова. Тогда было другое время, и люди годны были на это только выдающиеся»³⁶. В конце он делал вывод о готовности общества к массовому протесту: «Теперь масса рядовых людей готова защищаться от полиции с оружием в руках»³⁷.

Террористы в своих речах обличали несправедливость существовавшего строя, превращая факты в публицистическую риторику: «горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившееся по всей стране потоком ужаса и возмущения», – говорил И. П. Каляев³⁸. Они также указывали на то, что основной чертой самодержавия являлось его «полная оторванность от нации»³⁹.

Не были обделены вниманием в речах террористов и представители власти: полицейские и жандармы. П. Куликовский, характеризуя полицию, сравнивал ее с татарским игом и говорил, что последнее было легче полицейского, так как «татары только изредка делали кровопускания, а полиция – постоянно»⁴⁰. Интересны представления о жандармерии и полиции 19-летнего рабочего И. Персина. Действительность, с которой ему пришлось столкнуться будучи «наивным рабочим», привела его к выводу о необходимости «смертью наказывать агентов-исполнителей зарвавшегося самодержавия»⁴¹.

Большинство террористов в своих речах на суде подчеркивали, что те, против кого были совершены покушения, «вредны своими преступными действиями»: «Партия социалистов-революционеров действует обдуманно, она защищает

не свои личные интересы, она борется за благо и счастье трудящихся», – говорил Петр Сидорчук на суде, проходившем 16 июля 1905 г. в Житомире⁴².

Нужно отметить, что во всех речах террористов подчеркивалось неуважение к суду. Отношение к суду как «судилищу враждебного лагеря, который пользуется временным правом сильного», приводило к презрительному отношению, игнорированию любого решения суда, каким бы суровым оно ни было⁴³.

В речи на суде террорист Самуил Гиуз, обращаясь к сословным представителям, сказал, что им трудно понять друг друга, так как они считают преступлением то, что составляет его гордость⁴⁴. И заявил, что ему «очень понравилось, что социалисты-революционеры вводили в свою программу организованный террор, как одно из средств борьбы. Я понимал, что красный террор социалист-революционеров был вызван белым террором самодержавного правительства, теми ужасными условиями, в которых русские социалисты ведут свою самоотверженную борьбу»⁴⁵. В заключение он также высказал надежду, что «суд потомков, суд будущих поколений, произнесет свой приговор над вашим приговором. И потому не мне, а вам придется смущаться и робеть перед решением, которое вам придется вынести против меня»⁴⁶.

Речи террористов на процессах являлись диалогом с обществом, который характеризовал желание террористов предстать в образе защитников общего для «всех честных людей» дела и создать образ тираноборца. Именно этот образ и пропагандировали эсеры. Отчёты о политических процессах, как правило, воспроизводились в партийной прессе. При этом важным, если не основным, каналом воздействия на массы в условиях Первой русской революции стали, помимо самих терактов, периодические издания политических партий. Листовки, издававшиеся и распространявшиеся в общественной среде, содержали информацию о покушениях на лиц, которые «являлись сторонниками гнета и насилия», о судах над «борцами за свободу»⁴⁷. Так, в листовке, посвященной смертной казни члена боевой организации, убившего Сахарова и покушавшегося на вице-губернатора Кнолля, говорилось: «Два новых героя должны на виселице кончить свою жизнь, мерзкая рука палача затянет петлю на шею нового борца за свободу, новых самоотверженных защитников народных интересов. Они не могли равнодушно взирать на произвол, на насилие, и они отомстили кровопийцам»⁴⁸. В описании же тех, против кого совершались террористические акты, в изображении их нравственного облика эсеры не сдерживали себя в выражениях: «Злодей убит! Он заплатил своей жизнью, своей черной развратной кровью за все прежние преступления в Москве»⁴⁹. Таким образом, формировалось общественное мнение, которое не могло не поддерживать тех, кто жертвовал жизнью ради счастья народа.

Как правило (разумеется, не без исключений), террористы вели себя на предварительных следствиях и судебных процессах действительно героически. Но Л. Г. Прайсман в своем труде «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы» писал: «Иногда действительность преподносила сюрпризы столь дикие, что даже мрачная фантазия авторов антиреволюционных романов не могла бы породить их»⁵⁰. Он имел в виду случай с П. Куликовским, убившим в Москве 28 июля 1905 г. московского градоначальника графа П. Шувалова. П. Куликовский дал знать из тюрьмы, что страдает начавшимися еще в ссылке припадками нервной головной боли, доведшими его до потери сознания. Он очень боялся, что его будут допрашивать, когда он будет находиться в таком состоянии, и что он может нечаянно что-либо выдать. Считая, что его всё равно приговорят к смерти, он просил друзей по партии помочь ему ускорить смерть. После получения этого сообщения в Московском комитете партии социалист-революционеров началась настоящая паника. М. Осоргин вспоминал: «Первое, что сделал партийный комитет при этом, – это рассыпался в разные стороны»⁵¹. После того как первая паника прошла, было решено согласиться с Куликовским: приготовить конфету с ядом, которую ему должна была передать его собственная дочь, которой было 5–6 лет. Интересно, что Куликовский согласился на это предложение, и только после бурных протестов М. Осоргина этот план был отменен. Осоргин писал: «Мы, знавшие и любившие его, решительно воспротивились этому ужасу, правильнее сказать преступлению, прежде всего по отношению к ребенку»⁵².

Трудно сейчас правильно оценить поведение террориста и понять, была ли это временная слабость, ведь «в делах, где впереди виднеется виселица, по-видимому, нельзя добиться, чтобы все одинаково стойко дошли до конца»⁵³. Неопровержимым остается только тот факт, что Куликовский никого не выдал.

Показательным примером нравственных качеств и морального состояния подследственных явился случай с И. П. Каляевым. В литературе не раз писалось о встрече 7 февраля, через несколько дней после убийства великого князя, великой княгини Елизаветы Федоровны с убийцей ее мужа в Бутырской тюрьме. Мотивы великой княгини неизвестны. В печати писали, что она благородно простила убийцу своего мужа и предложила заступиться перед царем за его жизнь. Эсеровская пресса объявила, что это хитрый маневр со стороны правительства, чуть ли не провокация⁵⁴. Великая княгиня была глубоко верующей женщиной, искренней в своем желании простить Каляева. Скорее всего, ею действительно двигали христианские чувства: всепрощения и сострадания.

В своем рассказе о свидании с великой княгиней И. П. Каляев ни слова не сказал о том, что она предлагала заступиться за него. Он написал

только, что она сказала ему: «Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас»⁵⁵.

Оценил ли И. П. Каляев христианский поступок, испытал ли он минуты раскаяния? Можно ли считать принятие иконки из рук княгини минутной слабостью? Нельзя сказать, что чувствовал террорист, но внешне он старался соответствовать образу борца-революционера. Неоспоримым фактом является лишь то, что Каляев все-таки принял иконку. Правда, впоследствии он дал этому своеобразное объяснение: «Это был для меня символ признания с ее стороны моей победы, символ ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступление великого князя». Рассуждая же по поводу веры и молитвы, Каляев оправдывал себя тем, что «в моем выражении “молится” – нет ничего такого, что могло бы подать повод к обольщению на счет твердости моих убеждений. Да, я действительно “молился” за успех моей партии, как представительницы народа в борьбе с самодержавием <...> В этом смысле я “религиозный” человек, но моя религия – социализм и свобода, а не мрак и насилие»⁵⁶.

Впоследствии, 24 марта, после опубликования в газетах отчета об этом свидании Каляев, опасаясь, что товарищи усомнятся в его непоколебимой верности идеалам революции, написал открытое письмо великой княгине. «В этом письме ярко выражается внутренняя борьба человека, который не мог не почувствовать необычайного духовного величия августейшей супруги своей жертвы, и чувство террориста, как бы оправдывающегося перед своими партийными единомышленниками в невольном проявлении человечности и скрытых где-то в глубине души и не заглушённых окончательно нравственных начал»⁵⁷, – так оценил это письмо очевидец тех событий генерал П. Г. Курлов, занимавший высокие правительственные посты в эпоху последнего царствования.

Представители же революционного лагеря утверждали, что в этом письме Каляев не выражал какого-либо раскаяния и заявлял: «мне не в чем раскаиваться, так как моя совесть чиста»⁵⁸.

Не все подсудимые проявляли твердость в период следствия. Не выдержала всех тягот одиночного заключения самая молодая из террористов Татьяна Леонтьева. При первом допросе она признала себя членом «Боевой организации», заявив, что все у нее найденное служило целям названной организации, но в дальнейшем от этого показания отказалась⁵⁹. «Содержащаяся под стражей в крепости Татьяна Леонтьева заболела острым психозом» и была переведена в лечебницу святого Николая Чудотворца⁶⁰.

Все эти факты из биографии террористов, конечно же, замалчивались эсерами, освещались только те, которые соответствовали «героическому образу».

«Герои революционного подвига», подобные И. П. Каляеву, не преобладали в общей террористической массе, но, тем не менее, в общественном сознании был запечатлен именно такой героический образ. Ведь именно к этому стремились основные идеологи партии социалистов-революционеров, именно такой образ они усиленно пропагандировали.

Многообразие борющихся на политической арене сил, особый характер революционной борьбы оказали влияние на культуру, творческие и идейные искания ее деятелей. Культура отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и художественное сознание новые черты и особенности.

Особенно ярко отразилась история политической борьбы эсеров в творчестве известных русских писателей. Крупнейшие террористические акты дали основу для создания образа террориста в русской культуре, каждый из которых соединял в себе конкретные черты и в то же время обобщенное представление о революционере-террористе.

Многие широко известные литературные произведения отражают симпатии, которые питало образованное общество к суровым и бесстрашным террористам. Так, рассказ Л. Н. Андреева «Губернатор» стал откликом на убийство 17 февраля эсером И. П. Каляевым московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Не менее ярким как с точки зрения литературного таланта автора, так и с точки зрения описания личностей террористов, их морального и нравственного облика, является «Рассказ о семи повешенных». В нем Л. Н. Андреевым изображена одна из выданных Е. Азефом революционных групп. Символично, что посвящен этот рассказ был Л. Н. Толстому, человеку, который, хотя и не принимал террор как метод борьбы, но неоднократно выступал против жестоких приговоров террористам, которые выносило правительство⁶¹. Рассказ прозвучал в свое время как горячий протест против смертной казни.

Персонажи пьес М. Горького также говорят и мыслят как революционеры. В рассказе «Палач» М. Горький осуждал карательный произвол царизма (при этом и метод террористов не вызывал у него одобрения). Судьба молодого террориста Александра Никифорова, совершившего террористический акт и убившего начальника жандармского управления Грешнера, послужила основой для рассказа. Но не столько образ самого террориста, сколько образ человека, согласившегося взять на себя «гнусное дело палача», становится главным в рассказе. Даже «приятели отшатнулись от него», а он, охваченный манией собственного величия, постепенно сошел с ума и нелепо погиб⁶².

Литература была всегда самой близкой к революционному движению из всех областей

российской культуры. Но кроме литературы, ярко свидетельствовала об отношении русского общества к революционному движению в 1905 г. и живопись. Революционный взрыв в России вызвал у русской творческой интеллигенции различные оценки, но при всей противоречивости нельзя не признать большого влияния революционных событий на русскую художественную культуру.

Картины русских художников 1905 г. не содержат сцен казней и политических судов (по понятным причинам и те, и другие были закрыты от глаз общественности), но революционно-обличительная линия русской живописи явно присутствовала. И. Е. Репин всегда ненавидел и презирал «правителей и карателей» России, что непосредственно отражалось в его картинах: «Красные похороны», «Расстрел демонстрации», «У царской виселицы»⁶³. Истинный пафос, заложенный во всех революционных картинах И. Е. Репина, расшифровывается в собственноручных свидетельствах художника, в его высказываниях. Так, прочитав в журнале «Былое» публикацию материала о террористе Хаиме Гершковиче, казненном в 1905 г. в Шлиссельбургской крепости за вооруженное сопротивление властям при аресте, И. Е. Репин написал: «история Гершковича – это глубочайшая, потрясающая трагедия <...> Этот пария из самых ничтожных отбросов человечества вырастает в полубога Прометея. Это величайшее чудо!.. С независимым гордым обликом божественности умирает он за лучшее, что есть в идее человека; умирает счастливый своим великим положением <...> Да, в этом 19-летнем мальчике умер великий человек»⁶⁴. Красноречивее этого высказывания могут быть только картины самого художника.

Откликается на события 1905 г. и Н. А. Касаткин, написавший ряд революционно-романтических произведений: «Тревожное», «Рабочий-боевик», «Последний путь шпиона», «Беззаветная жертва революции», «Студент», «После обыска».

Выдающимся мастером, чье творчество выражало новые качества русской реалистической живописи, был С. В. Иванов. Картина С. В. Иванова «Расстрел» – одно из лучших произведений о революционных событиях 1905 г., в ней художник изобразил расправу царских войск над безоружной толпой.

Русские художники, встав на сторону революции, предпочли террориста – гороховому, стоящему на охране порядка. Все произведения, в которых, так или иначе, осуждалась карательная политика правительства, всегда вызывали у современников широкий сочувственный отклик.

Театр и музыка были дальше от политики, чем литература и живопись, но, как справедливо замечал В. И. Немирович-Данченко, «если театр посвящает себя исключительно классическому репертуару <...> он рискует <...> стать академически-мёртвым»⁶⁵. В своих письмах (к И. М. Москвину, Л. Я. Гуревич и др.) и выступлениях перед

труппой он указывал на опасность идейного отрыва театра от передовой общественной жизни.

В 1905 г. МХАТ переживал не лучшие времена. Большую часть его репертуара составляла классика. Тем не менее, передовые идеи современности все-таки присутствовали в пьесах. Пьесой «Дети солнца» М. Горького театр боролся с социальной несправедливостью. В годы поражения революции 1905–1907 гг. и наступившей затем реакции МХТ увлекся поисками в области символистского театра («Жизнь человека» Л. Н. Андреева и «Драма жизни» К. Гамсуна, 1907).

Общественная атмосфера была накалена настолько, что, как описывает видный военный деятель Ю. Н. Данилов, «известный русский талант-артист Ф. И. Шаляпин на парадном концерте, проходящем в императорском театре, по требованию “верхов” театра спел известную народную песню “Дубинушка”, в которой некоторые строфы имели революционный характер»⁶⁶. В Большом театре трижды в течение ноября (1-го, 14-го и 23-го) удавалось распространить листки, призывавшие к вооруженному восстанию⁶⁷.

Художественные тексты, картины художников, другие произведения искусства, порожденные революционной эпохой, являлись важнейшим методом, формой пропаганды революционных идей.

Таким образом, в создании образа «героя-террориста» участвовали как сами террористы, призванные к самопожертвованию, так и радикальная и эсеровская литература, неотъемлемой частью которой стал «образ героя».

Террорист-эсер сам считал себя мучеником, добровольно жертвующим самим собой ради спасения народа. В то же время «образ» героя складывался за счет написания «правильных» биографий. Фрагменты этих биографий использовались в прокламациях, листовках эсеров, для агитации и пропаганды террористических методов борьбы. «Герой» все чаще предстает не просто профессиональным революционером, который самоотверженно выполняет свой долг перед народом, но террористом, жертвующим собственной жизнью ради революционного идеала. Именно жертва оправдывала террор в глазах читателей, и она же возвышала образ до уровня трагического персонажа.

В годы Первой русской революции террорист становится самым модным персонажем. Образ террориста оставил след не только в политической истории России, но и в русской художественной литературе, живописи, мемуаристике, философии, журналистике того времени. Восторженное отношение к подвигу террористов впоследствии надолго укоренилось в русском историческом сознании и сохранилось в нём на долгие десятилетия.

В 1906–1907 гг., когда террористическая деятельность захлестывала всю страну, и от террористических актов гибли неповинные люди⁶⁸, общество стало задумываться о цене такой борьбы. Постоянно возрастающее количество террористических актов, а также различных во-

оруженных нападений, ограблений привело к тому, что общество стало испытывать постоянный страх. Историческая же обреченность политического террора как явления стала ясна лишь со временем. История индивидуального террора в России при внешней эффективности показала его бесплодность в качестве средства решения политических задач

Примечания

- ¹ См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000; Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992; Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Троицкий Н. А. «Народная Воля» перед царским судом. Саратов, 1983.
- ² Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1998. С. 8.
- ³ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 157.
- ⁴ Андреев Ф. С. Автобиография // Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужон) в 1905 г. М., 1931. С. 67.
- ⁵ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1985. С. 55.
- ⁶ Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 184.
- ⁷ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 62.
- ⁸ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 245.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 155.
- ¹¹ Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. К-во Современные проблемы. М., б.г. С. 18–19.
- ¹² См.: Дело об убийстве графа П. П. Шувалова // Освобождение. 1905. № 77. С. 477.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 479.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. С. 244–245.
- ¹⁷ ГАСО. 1905. Ф. 57. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об.
- ¹⁸ О местном комитете партии социалистов-революционеров и боевой группе // ГАСО. Ф. 57. 1905. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 1280. 1905. Оп. 1. Д. 1032.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Право. 1905. № 18. 8 мая. С. 1538.
- ²³ Революционная Россия. 1905. № 73. 15 августа. С. 16.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 1280. 1905. Оп. 1. Д. 1032.
- ²⁵ Дело об убийстве графа П. П. Шувалова // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3602. Л. 11–14.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 653.
- ²⁷ Право. № 31. 28 августа 1905. С. 2824.
- ²⁸ Право. № 18. 8 мая 1905. С. 1538.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 3570. Л. 1.
- ³⁰ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: записки защитника. М., 1931. С. 223.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 73.
- ³³ Цит. по: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2006. С. 116.
- ³⁴ Дело об убийстве графа П. П. Шувалова. С. 478.
- ³⁵ Там же. С. 479.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Речь Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. С. 23.
- ³⁹ Речь подсудимого // Дело об убийстве графа П. П. Шувалова. С. 479.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Процесс Израиля Персина // Революционная Россия. 1905. № 73. 15 августа. С. 17.
- ⁴² Речь Сидорчука // Революционная Россия. 1905. № 73. С. 15.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Речи рабочих социалистов-революционеров // Революционная Россия. 1905. № 59. 10 февраля. С. 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 10.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 7. 1905. Оп. 1. Т. 3. Д. 2611. Л. 3.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1058.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1091.
- ⁵⁰ Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. URL: http://krotov.info/libr_min/16_p/ra/usman_01.htm (дата обращения: 16.07.2010).
- ⁵¹ Осоргин М. А. Указ. соч. С. 102.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 54.
- ⁵⁴ Революционная Россия. 1905. № 64. С. 15.
- ⁵⁵ Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. С. 56.
- ⁵⁶ Революционная Россия. 1905. № 68. 1 июня. С. 3.
- ⁵⁷ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 39.
- ⁵⁸ Революционная Россия. 1905. № 68. 1 июня. С. 3–4.
- ⁵⁹ Дело о боевой организации партии с.-р. Б. И. Мошеенко, Т. Леонтьевой и др. в г. Петербурге // ГАРФ. Ф. 124. 1905. Оп. 43. Д. 704. Л. 15 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 45.
- ⁶¹ См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. С. 285–287.
- ⁶² Горький М. Палач // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 15. М., 1951. С. 241–243.
- ⁶³ См. подробнее: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. С. 296–297.
- ⁶⁴ Репин И. Е., Стасов В. В. Переписка : в 3 т. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 126–127.

⁶⁵ Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма. М., 1954. С. 119.

⁶⁶ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 57; ГАРФ. Ф. 102. 1905. Д. 9. Ч. 2. Л. 31; Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 387, 398.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 4. Л. 290, 304, 310.

⁶⁸ Особенно после теракта 6 августа 1906 г. на даче премьер-министра П. А. Столыпина. Среди убитых и раненых было более 50 человек охраны и посетителей премьера.

УДК 94 (47). 083

ЗАЩИТА А. Н. ПОТРЕСОВЫМ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АВГУСТЕ 1917 ГОДА

Э. В. Костяев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: edikost@bk.ru

В статье проводится детальный анализ занятой после Февральской революции одним из лидеров меньшевизма Потресовым и его единомышленниками «двуединой» позиции в отношении Первой мировой войны. Она сочетала необходимость участия российского пролетариата в организации обороны страны от внешнего врага с борьбой за заключение справедливого демократического мира и нашла своё яркое выражение в дни Объединительного съезда РСДРП и корниловщины.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская социал-демократия, меньшевизм, патриотизм, оборончество.

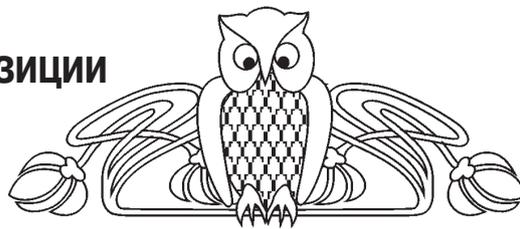
The Protection of A. N. Potresov and his Adherents of Their Position Concerning the First World War in August, 1917

E. V. Kostyaev

The author of this article study a «two-uniform» position concerning the First World War of the one of leaders of Menshevism A. Potresov and his adherents which they had after February Revolution. This position combined a necessity of participation of the Russian Workers for the organization of national defense from the external enemy and a struggle for the conclusion of the just democratic peace. It has found the bright expression during the Unification Congress of Russian Social Democracy and the Kornilov's action.

Keywords: First World War, Russian Social Democracy, Menshevism, patriotism, defensism.

Политическая деятельность одного из выдающихся меньшевистских лидеров Александра Потресова освещена в историографии незаслуженно меньше деятельности тех, кто вместе с ним стоял у истоков Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Слабо проанализирована и его позиция в августе 1917 г., хотя период этот был важнейшим для партии (Объединительный съезд РСДРП) и переломным для страны, поскольку в последние дни лета Россия находилась на пороге гражданской войны (корниловщина). Однако, к примеру, в статьях И. Розенталя лишь говорится, что на Объединительном съезде Потресов защищал коалицию с буржуазией, а о сути его позиции по отношению к Первой мировой

войне нет ни слова¹. С. Тютюкин упоминает, что на съезде Потресов в докладе о текущем моменте достаточно чётко сформулировал, что одной из главных задач социал-демократии и пролетариата была защита России от внешнего врага, но не характеризует подробно высказанное докладчиком на съезде отношение к войне на тогдашнем её этапе и к принятой съездом резолюции по вопросу о войне и мире². Об отношении Потресова и его сторонников к корниловщине в указанных работах Розенталя и Тютюкина вообще не говорится. Не упоминается об этом и в написанном А. Ненароковым документально-историческом очерке, включающем описание отношения меньшевиков к «августовскому путчу генерала Корнилова»³.

Летом 1917 г. РСДРП готовилась к намеченному на август съезду, основным вопросом которого должны были стать предстоявшие выборы в Учредительное собрание. На заседании 21 июня 1917 г. Организационный комитет (ОК) РСДРП (меньшевиков) постановил приступить к созыву съезда и избрал для этого Организационную комиссию в составе Б. Батурского (Цейтлина), С. Ежова (Цедербаума), К. Ермолаева, В. Крохмалю и М. Панина (Макадзюба) с включением в неё представителей Комитета Петроградской организации, Кавказского областного комитета, национальных организаций, Московской объединённой организации и избранного 18 июня под председательством Г. Линдова (Лейтейзена) Бюро по созыву объединённого съезда⁴.

4 июля в «Рабочей газете» было опубликовано обращение ОК РСДРП (м) «Объединение социал-демократической партии», в котором указывалось, что накануне избирательной кампании в Учредительное Собрание вопрос о преодолении организационной слабости и создании сплочённой партии встал ребром и не терпел более отлагательства: «В Учредительном Собрании встанут во весь рост все острые вопросы, выдвинутые революцией, и состав его... преопределил исход её, – говорилось в обращении. – Удастся ли и в какой степени удастся социал-демократии закрепить во время выборов свою связь с пролетарскими мас-